

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 25, Is. 3, pp. 20–28, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-25-3-20-28
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 902.26

Bronze Age Burials of the East Manych Mound Groups Containing Stone Implements

Evgenii Burataev¹, Maria Ochir-Goyaeva², Erdni Kekeev³

¹ Junior Research Associate, Laboratory of Archeological Research, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: burataev1981@mail.ru.

² Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Laboratory of Archeological Research, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mariaochir@gmail.com.

³ Junior Research Associate, Laboratory of Archeological Research, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru.

Abstract

The article discusses the results of the archaeological survey of burials of the East Manych mound groups containing stone implements. Within the mound groups, 329 barrows containing 1 541 burials with 1 329 ones, i. e. most of them, dated back to the Bronze Age were excavated in the early 1960s in the course of conservation works in the construction area of the Chogray Reservoir. 476 burials were identified by the authors of the survey as those belonging to the Yamnaya culture, 854 burials — to the Catacomb culture. The present work has been performed within the project for processing of the results of the large-scale archaeological surveys conducted under the supervision of Prof. I. V. Sinitsyna and Prof. U. E. Erdnieva, for re-evaluation of the excavated monuments and introduction into scientific discourse of still uninvestigated aspects of studies regarding the materials from the East Manych mound groups.

The conducted research has revealed various aspects relating to the cultural and chronological, gender and age peculiarities of the buried. The qualitative composition of the stone implements also reflects the social status of the buried. It is the professional specialization of craftsmen that is most vividly displayed in the investigated monuments.

Keywords: East Manych, mounds, burials, stone tools, altars, cenotaphs, gender and age aspects.

Курганная группа «Восточный Маныч» занимает особое место среди археологических памятников Волго-Манычских степей. По количеству раскопанных погребений она до сих пор составляет без малого половину всех раскопанных памятников на территории региона, а именно: 329 курганов, содержащих 1 541 погребение, из которых 1 329 датируются эпохой бронзы. К ямной культуре авторами раскопок отнесены 476 погребений, к катакомбной — 854 погребения.

Под названием курганная группа «Восточный Маныч» объединены, по крайней мере, 9 курганных групп¹, каждая из которых насчитывала до нескольких десятков курганов. Наименьшее количество курганов было в группе «Восточный Маныч, Правый Берег» (ВМПБ) — 30 курганов, максимальное количество — в группе «Восточный Маныч, Левый Берег», группа II 1966 г. (ВМЛБ-II-66) — 83 кургана. Перечисленные курганные группы были расположены на площади протяженностью с востока на запад примерно 20 км, с юга на север — около 5 км, что позволяет определять их как своего рода агломерацию курганных групп.

Столь высокая степень концентрации курганов в одном определенном месте — явление нечастое даже в таких регионах, как полупустынные степи между рр. Волгой и Манычем. В силу исторических и ландшафтно-географических особенностей именно этот регион отличается от остальных участков восточноевропейских степей необычайно высоким количеством сохранившихся археологических памятников.

Судя по степени концентрации курганов и их многочисленности, долина рр. Кумы и Восточного Маныча отличалась в эпоху бронзы оптимальными условиями проживания и жизнеобеспечивающими ресурсами. Эта долина занимает восточную часть Кумо-Манычской впадины, узкой низменности, расположенной между Ергенинской возвышенностью на севере и Ставропольской возвышенностью на юге. В геологическом прошлом (20–30 млн лет назад) это был пролив, соединявший нынешние Чёр-

ное и Каспийское моря. Этим обусловлено наличие большого количества болот, лиманов, протоков, составляющих древнюю крупную разветвленную водную систему, называемую Манычской. Таким образом, долина рр. Кумы и Восточного Маныча являлась наиболее водообеспеченной частью Волго-Манычских степей в древности.

Следующей особенностью курганной агломерации «Восточный Маныч» является то, что курганы были раскопаны в рекордно короткие сроки. В начале 1960-х гг. был одобрен проект обводнения наиболее засушливых участков степи с помощью разветвленной системы каналов, берущих воду из искусственного резервуара — Чограйского водохранилища, образованного объединением течения рр. Кумы и Восточного и Западного Маныча и расширением русла обеих рек. В зону затопления попадали все группы курганной агломерации «Восточный Маныч».

Спасательные раскопки были проведены совместной экспедицией Калмыцкого республиканского краеведческого музея и Саратовского госуниверситета под объединенным руководством профессоров И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева в период 1965–1967 гг. Примерно в таких же масштабах и в такие же сроки велись спасательные раскопки при строительстве Волго-Донского канала и Сталинградской ГЭС — великих строек послевоенного Советского Союза. В ходе строительства Сталинградской ГЭС в 1951–1953 гг. Сталинградской археологической экспедицией Института истории материальной культуры за четыре года были раскопаны «около 20 древних поселений и 420 различных курганов, в которых вскрыто более 1 500 погребений» [Крупнов 1959: 1–10]. Из них отрядом И. В. Сеницына было раскопано 135 курганов и 385 погребений [Сеницын 1959: 39–205]. В последующие 1954–1955 годы И. В. Сеницыным было раскопано 788 погребений Бережновского могильника [Сеницын 1960: 10–68]. Отработанная методика, строгая дисциплина способствовали быстрым темпам работы. Материалы раскопок в зоне строительства Волго-Донского канала и Сталинградской ГЭС были не только оперативно раскопаны, но и оперативно опубликованы на качественной бумаге и с качественными иллюстрациями в лучших типографиях г. Москвы в серии «Материалы и исследования по археологии» в издательстве «На-

¹ В архивных материалах 1967 г. указывается, что после раскопок семи курганных групп «Восточный Маныч» остались нераскопанными еще две курганные группы, расположенные на правом берегу [НА РК. Ф. Р-150. Оп. 12. Д. 191. Л. 6]

ука». Однако результаты раскопок по «Восточному Манычу» постигла другая судьба: они были изданы гораздо позже, на рубеже 1970–1980-х гг. в местных изданиях гг. Элисты и Саратова, располагавших далеко не лучшими типографскими возможностями. Кроме того, к концу 1970-х – началу 1980-х гг. требования к методике полевых исследований значительно повысились. Именно поэтому среди археологов сложилось мнение о неудовлетворительном качестве раскопок И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева.

Между тем, внимательное изучение ранних и поздних, отчасти посмертных, публикаций И. В. Сеницына показывает, что в 1954–1955 гг. методика раскопок не менялась. Планы курганов и погребений опубликованы в одних и тех же масштабах, описания также сделаны в одинаковом, с современной точки зрения, несколько лаконичном стиле, отличается лишь качество фотографий и рисунки находок. Именно плохое качество иллюстраций, что было связано с финансовыми возможностями и качеством типографского оборудования в регионах великого Советского Союза, привело к тому, что научный потенциал курганных групп «Восточный Маныч» до сих пор остается малоиспользованным в научных исследованиях.

В последние годы данным авторским коллективом была начата работа по переработке результатов масштабных археологических работ, их переоценке и вводу в научный оборот тех аспектов изучения материалов курганных групп «Восточный Маныч», которые еще не исследованы.

В рамках этой работы было проведено изучение погребений эпохи бронзы с изделиями из камня курганных групп «Восточный Маныч». В эпоху бронзы доля каменных изделий составляет заметную долю в составе погребального инвентаря. В погребениях же более поздних эпох — раннего железа и средневековья — процент каменных изделий практически сходит на нет. Тем не менее каменные изделия из погребений эпохи бронзы изучены намного меньше, чем остальные категории инвентаря. Думается, это связано с тем, что форма и материал каменных изделий мало менялись во времени и пространстве, поэтому они не являются столь привлекательными для сравнительных и типологических исследований, как металлические предметы и керамика.

Для исследования были выбраны все погребения с каменными предметами, включая кремневые отщепы из погребений всех семи курганных групп «Восточный Маныч», что составило 143 предмета из 85 погребений (73 кургана), датирующиеся эпохой бронзы. К ямной культуре относится 18 погребений, из которых 5 являются основными, остальные 68 погребений — катакомбные, из которых 9 погребений — основные.

По определениям авторов раскопок, изучаемые каменные изделия общим числом 143 предмета представлены: каменными булавами, каменными топорами, ударниками, каменными пестами, терочными камнями, ступками, выпрямителями древков стрел (плитками с желобком посередине), кремневыми наконечниками стрел, кремневыми пластинами, кремневыми скребками, известняковыми и сердоликовыми бусами и подвеской из коричневатого камня.

Погребения с каменными предметами разбиты на две группы по культурно-хронологической принадлежности, определенной авторами раскопок: погребения ямной культуры и погребения катакомбной культуры. Предварительный анализ обеих групп показал, что категории каменного инвентаря — одни и те же в обеих культурно-хронологических группах. Особенно показательными являются такие специфические предметы, как булавы, диоритовые топоры, а также кремневые наконечники ассиметричной формы. Тот факт, что каменные песты и терочки в погребениях обеих групп оказались почти одинаковой формы и размеров, не вызывает удивления, так как они имеют простую форму, обусловленную их функцией растирания и дробления. Каменные плитки с желобком посередине, так называемые «выпрямители древков стрел», также имеют незатейливую форму и одинаковый диаметр желобка, поскольку функциональное их назначение диктовало как форму, так и размеры. Но мраморные булавы и диоритовые топоры, а также одинакового типа кремневые наконечники стрел ассиметричной формы указывают на единство символов власти и оружия, что следует рассматривать как яркий признак социально-культурного единства. Если также принять во внимание, что ямная культура сосуществовала в степной зоне с раннекатакомбной и восточноманычским вариантом катакомбной культуры с XXVI по XXIII вв. до н. э. [Шишлина 2007: 224, 312], т. е. в течение трех веков, то един-

ство символов власти и оружия представляется вполне логичным.

Сначала рассмотрим группу погребений ямной культуры с каменным инвентарем. В первую очередь мы обратили внимание на половозрастную характеристику погребенных. В подавляющем большинстве они являлись мужчинами. Все основные погребения были единичными, только одно из них было парным (мужчина и женщина). Из 18 ямных с каменным инвентарем четыре погребения были женскими. В трех из них были найдены орудия труда — песты и камень округло-овальной формы с двумя желобками; в одном погребении — каменные беловатого цвета бусы. Кроме каменного песта, одно женское погребение было сопровождено напутственной пищей: в нем были найдены кости овцы; в другом погребенная имела украшение в виде сурьмянной подвески. На общем фоне ямных погребений, которые, как правило, бывают безынвентарными, женские погребения с каменными пестами выделяются разнообразным и многочисленным инвентарем, что подчеркивает статус и уровень благосостояния погребенных. В свою очередь, это обстоятельство не создает уверенности, что погребенные выполняли тяжелую работу, используя каменный пест.

При изучении самих каменных пестов выделяются их довольно солидные размеры, вес, а самое главное, достаточно стандартизованная форма. Форма каменных пестов с одним расширенным концом и одним заостренным, а также их плавно скругленная форма позволяют предположить, что они специально отбирались из массы камней и, возможно, природная форма камня подправлялась, подгонялась под желательную форму. В степной зоне выходы таких камней не известны, что позволяет сделать вывод о том, они привозились из дальних мест, т. е. были ценными предметами [Schneider ... 2015: 97–116].

В нашу выборку попало одно детское погребение. Пест серого цвета был найден в могиле ребенка 3–4 лет, что позволяет сделать предположение, что в рассматриваемом случае каменный пест нес некую чисто символическую функцию, поскольку малолетний ребенок не мог пользоваться каменным орудием при жизни.

Два погребения с каменным пестом были парными, с захоронением взрослых мужчины и женщины. Одно из них было основным,

другое — впускным. В обоих погребениях были найдены каменный пест и украшения при женских скелетах: бронзовые бусы, височные подвески и молоточковидная булава, которые однозначно указывают на высокий социальный статус погребенной пары. Нахождение же каменного песта в погребении на основе полученных данных не может рассматриваться как показатель высокого социального статуса. Возможно, символическое значение каменного песта в погребении было иным. Например, пест как символ плодородия или символ семейного очага сопровождал последнего в роду, не оставившего потомства человека. Это предположение косвенно подтверждается количеством погребений с каменным инвентарем, составляющим только 3 % от общего числа.

Среди мужских погребений с каменными предметами выделяются погребения с каменной булавой и погребение с топорищем из диорита. Эти предметы традиционно рассматриваются как символы власти, что, однако, не исключает их использования в боевых (военных) целях. Булава была сделана из мрамора, а топорик — из темно-серого диорита. К серии погребений с предметами оружия из камня примыкает погребение № 7 кургана № 19 группы правого берега (ВМПБ–1967), изученной в 1967 г. Погребение содержало два кремневых наконечника стрел с ассиметричной головкой.

Таким образом, анализ групп погребений с каменным инвентарем ямной культуры из курганных групп «Восточный Маныч» показал, что единичные предметы из камня в ямных погребениях, с одной стороны, свидетельствуют об использовании населением ямной культуры в повседневной, профанной сфере каменных орудий и оружия. С другой стороны, он дает основания для предположения о символическом значении этих предметов в могиле. Персоны, в могилу которых были положены каменные песты, скорее всего, сами лично не пользовались этими пестами в жизни, в силу их высокого социального статуса или малолетнего возраста.

В следующей выборке погребений с каменным инвентарем рассмотрим группу погребений катакомбной культуры. Первое, что бросается в глаза при анализе группы погребений катакомбной культуры с каменным инвентарем, — это большее количество погребений, более высокий процент по отношению к общему числу, а также разнообразие самих предметов по сравнению с по-

гребениями ямной культуры. Второе принципиальное отличие заключается в том, что среди катакомбных выделяются погребения не с одним или двумя орудиями из металла, а с целым комплектом различных каменных изделий и необработанных камней, используемых для заточки и т. д. Такие погребения традиционно интерпретируются в археологии как погребения ремесленников, что подтверждается результатами изучения как самих предметов, так и костных останков погребенных. Из 67 погребений с каменным инвентарем 10 оказались основными. В целом, в курганных группах «Восточный Маныч» процент курганов, сооруженных в катакомбное время, составляет одну четвертую часть от числа курганов бронзового века (исключая более поздние сарматские и позднекочевнические). Получается, что катакомбное население Кумо-Манычской впадины редко строило собственные курганы, ограничиваясь уже существовавшими курганами ямной культуры. В некоторых случаях они их досыпали. Поэтому в процентном отношении долю основных среди погребений с каменным инвентарем можно оценивать как значительную. При этом четыре основных погребения были женскими. Доля женских погребений с каменным инвентарем по количеству примерно равна мужским среди впускных погребений. Большинство женских погребений содержало один предмет из камня, и, как правило, это был пест или каменные бусы. Несколько женских погребений с малолетними детьми имели в составе инвентаря небольшие каменные плитки с углублениями, возможно, для растирания пищи ребенку. Детские катакомбные погребения оказались в процентном отношении равны доле их среди ямных погребений. Одно из них, погребение ребенка 7–9 лет, содержало подвеску из камня коричневого цвета, бронзовые бусы и курильницу. В двух остальных погребениях были найдены каменный пест и плитка-растиральник.

Кенотафы являются одним из характерных признаков катакомбной культуры. Символические погребения без останков умершего не устраивало древнее население степной зоны ни до катакомбной культуры, ни после нее. В выборке исследования насчитывается 10 кенотафов, все они оказались впускными и содержали по одному каменному предмету: как правило, каменный пест или необработанный камень. Только в

одном из них была положена каменная булава, рассматриваемая, с одной стороны, как боевое оружие, а с другой — как символ власти, вожительства.

В число комплексов с каменным инвентарем попали три жертвенника, один с тремя пестами (один четырехгранный и два овальных в сечении) и зернотеркой. Жертвенники являются объектами, выражавшими просьбу-задабривание умершего для получения в наследство его благословения, т. е. усиления жизненной энергии оставшихся родственников. Поэтому наличие в жертвеннике трех пестов как будто подтверждает предположение, что пест был символом плодородия и благополучия семейного очага [Очир-Горяева 2008: 152–153].

Значительный процент среди рассматриваемых комплексов занимают погребения с неопределенным полом — 19 погребений, что составляет одну треть от общего числа. Оставшиеся 11 погребений мужчин отличаются разнообразием как каменного инвентаря, так и остального в целом. Среди них особое место занимают погребения с наборами каменных и бронзовых орудий труда и сопутствующих предметов, связанных с производственной деятельностью [Калмыков, Гак 2013: 117–159]. Например, погребение № 6 кургана № 4 первой группы «Восточный Маныч» 1967 г. (ВМ-I-1967) содержало каменный топор, ударник каменный, орудия труда из галек (13 экз.), два утюжка с двумя желобами в верхней части, так называемый «булкообразный» камень с поперечным желобком, набор из двух терочников и пестов, два листовидных бронзовых копья и черноглиняный сосуд.

Другое погребение ремесленника обнаружено в 1967 г. при раскопках группы правого берега курганного могильника «Восточный Маныч» (ВМПБ-1967). При строительстве второго погребения кургана № 1 в могилу были положены каменный пест, каменное орудие продолговато-округлой формы, каменный предмет в виде поделки и каменное орудие долотовидной формы. Некоторые погребения ремесленников, например погребение № 8 курган № 16 ВМПБ-1967, содержали не только каменный производственный инвентарь, но и наборы бронзовых орудий труда: бронзовый топор, бронзовое долото, а также рог животного с желобком. Погребения с производственной направленностью зачастую

сопровождаются богатыми жертвенниками. Рассмотренное выше погребение сопровождал жертвенник из пяти черепов быков со сложенными конечностями. Всего в курганных группах «Восточный Маныч» насчитывается 5 погребений мастеров и изготовителей древков стрел. Аналогичные погребения были открыты в курганных группах «Овата-5»: погребение № 1 кургана № 4 [НА КИГИ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 69] — и в курганной группе «Шатта»: погребение № 2 кургана № 1 [Кольцов, Дремов 2012: 27–37].

Среди орудий и украшений особый интерес представляют такие редкие находки, как булавы (7 экз.). Булава — это древнее оружие в виде держака с шаровидным навершием. Этот вид оружия, претерпев множественные изменения в технологии изготовления и практического применения, дошел до наших дней со времен неолита. Булава и ее преемники — скипетр и жезл, потеряв в ходе своей эволюции боевые функции, приобрели сугубо символическое значение. Они стали военными регалиями, вручаемыми непосредственно высшим военным чинам: достаточно вспомнить фельдмаршальские жезлы и атаманскую булаву. В скотоводческих культурах древнего мира булава выполняла обе эти функции. Другими словами, можно говорить о том, что в курганах «Восточный Маныч» в погребениях мужчин с булавами были захоронены не рядовые воины, а военачальники, обладавшие авторитетом и властью среди соплеменников.

Что же касается булав из «Восточного Маныча», их можно условно разделить на два типа: булавы, имеющие продолговато-овальную форму с небольшой кольцевой нарезкой на одной стороне, и булавы шаровидной формы, поверхность которых тщательно зашлифована. Аналогичные навершия булав бытовали в разных районах Кавказа, Урала и Северного Прикаспия.

Погребения, содержавшие булавы, отнесены авторами раскопок к катакомбной культуре. Это погребение № 2 кургана № 2 первой группы «Восточный Маныч» 1965 г.; погребение № 4 кургана № 13 второй группы «Восточный Маныч» 1965 г.; погребение № 5 кургана № 15 третьей группы «Восточный Маныч» 1966 г.; погребение № 4 кургана № 23 третьей группы «Восточный Маныч» 1966 г.; погребение № 27 кургана № 11 группы «Правый берег Восточ-

ный Маныч» 1967 г.; погребение № 31 кургана № 11 группы «Правый берег Восточный Маныч» 1967 г. Одно погребение мы относим к ямной культуре: погребение № 9 кургана № 12 третьей группы «Восточный Маныч» 1966 г. Среди погребенных преобладают мужчины разного возраста, начиная от юношеского до пожилого. Обнаружено и женское погребение, речь о котором пойдет ниже. Кенотаф представлен погребением № 27 кургана № 11 группы «Правый берег ВМ» 1967 г. В катакомбе впускного погребения-кенотафа, помимо булавы, находились и другие предметы: крюк, курильница, бронзовый нож (нож-копье) и шило [Синицын, Эрдниев 1978: 28]. Интерес вызывает обнаружение сразу двух булав в одном кургане. Это погребения № 27 и № 31 в кургане № 11. Одно из погребений являлось кенотафом и кратко описано выше. Погребение № 31 мы рассмотрим более подробно, так как оно являлось женским и отличается от соседней могилы-кенотафа наличием жертвенника. Погребение № 31 было впускным. Оно было сооружено в материке и обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 16 метрах от центра. Над этой могилой был расположен жертвенник с пятью черепами быков. Могила прямоугольной формы ориентирована по линии Север–Юг, длина ее — 3,30 м, ширина — 3 м, глубина — 0,30 м. Вдоль всех стенок могилы оставлены заплечики шириной до 0,60 м. Общая глубина могилы — 4 м, ниже заплечиков ее размеры составляют 2,2x1,80 м. На дне могилы на левом боку, скорченно, головой на юг, лежал скелет взрослой женщины. Ноги подогнуты и бедренными костями положены под прямым углом к корпусу, руки вытянуты перед туловищем, кистями между бедренных костей. Скелет и дно ямы покрыты слоем травы и черным перегноем. Среди находок найден большой кусок красной краски. С этой могилой связана значительная досыпка кургана и жертвенник из пяти черепов быков.

Инвентарь погребения:

1) глиняный сосуд темно-серого цвета, плохой сохранности;

2) сосуд черного цвета, с хорошо заглаженной поверхностью, орнаментированный узором «елочка», на плечиках имеет две лентовидные ручки, плохой сохранности;

3) небольшой сосуд коричневатого-охристого цвета высотой 10 см, имеет лентовидную ручку;

4) сосуд черного цвета, по форме схожий с предыдущим, высотой 12,5 см;

5) толстостенный сосуд в форме репы с плоским краем и наклепным валиком на плечиках, высотой 35 см;

6) бронзовое копьё (нож);

7) бронзовый крюк;

8) бронзовое шило с острым концом;

9) каменная булава черного цвета (из диорита) в виде шарика.

Можно говорить о том, что два описанных погребения близки между собой, прежде всего, по социальному положению погребенных, что подтверждается наличием похожего погребального инвентаря: в обеих могилах найдены булава и нож. Однако есть и небольшие отличия: в кенотафе была положена глиняная курильница и ни одного сосуда, в то время как в женском погребении таких сосудов — пять. К тому же, отсутствие погребенного в кенотафе не позволяет достоверно сравнить эти два погребения ни по половому признаку, ни по ориентировке костяков. Затрудняется дело и тем, что оба погребения являлись впускными, а всего в кургане № 11 было открыто 32 одновременных погребения. Погребения этого кургана датируются от эпохи ранней бронзы по скифо-сарматское время [Эрдниева, Синицын 1982: 59–62].

Среди каменного инвентаря также выделяются топоры, представленные в пяти экземплярах. Четыре из них найдены в погребениях катакомбного времени: один молотковидный обушковый топорик ромбической формы изготовлен из диорита темно-синего цвета (погребение № 4 кургана № 32 первой группы «Восточный Маныч» 1965 г.), второй описан авторами как молоточек из черного диорита длиной 8 см, в отверстии топорика сохранились заклепки-клинья из бронзовых стержней (погребение № 7 кургана № 7 группы «Правый берег Восточный Маныч» 1967 г.).

Проведенное исследование погребений с каменным инвентарем выявило различные аспекты, связанные с культурно-хронологическими и половозрастными особенностями. Социальный статус погребенных также находит отражение в каменном инвентаре. Наиболее ярко в каменном инвентаре проявилась профессиональная специализация ремесленников и мастеров.

Источники

Арапов С. В. Отчет об археологических исследованиях у с. Овата Целинного района Республики Калмыкия в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1 17070 // Научный архив КИГИ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Дело 69.

Литература

Андреева М. В. Восточноманьчская катакомбная культура: анализ погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.

Гак Е. И., Калмыков А. А. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямого-раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / под ред. А. Б. Белинского. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 117–159.

Кольцов П. М., Дремов И. И. Курганная группа Шатта 1 // Исследования курганов и старокалмыцких поселений Калмыкии (по материалам раскопок 2002–2009 гг.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та. 2012. С. 27–37.

Крупнов Е. И. Предисловие // Материалы и исследования по археологии. № 60. М.: Наука, 1959. С. 1–10.

Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. С. 152–153.

Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // Материалы и исследования по археологии. № 60. М.: Наука, 1959. С. 39–205.

Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еручлана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // Материалы и исследования по археологии. № 78. М.: Наука, 1960. С. 10–168.

Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1–2. Саратов: Изд-во Сар. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 1978. 117 с.

Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1982. С. 59–62.

Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). Москва: ГИМ, 2007. 398 с.

Эрдниева У. Э. Курганный могильник Восточного Маныча (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.

Berezina N., etc. Grave offerings of actual Tools: evidence of professional activity with anthropological methods // The 21st European meeting of the paleopathology association. August 15–19, Moscow, Russia. 2016. P. 21.

Schneider J. S., Ya. Tserendagva, etc. Mongolian neolithic ground stone tools from the northern edge of the Gobi desert // Археологийн судлал. Боть XXXV. Улаанбаатар, 2015. X. 97–116.

Sources

Arapov S. V. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah u s. Ovata Celinnogo rajona Respubliki Kalmykija v 1992 g.* [Report on archaeological research in Republic of Kalmykia in 1992]. Arhiv IA RAN. R-1 17070. *Nauchnyj arhiv* [National archive R-1 17070].

References

Andreeva M. V. *Vostochnomanychskaja katakombnaja kul'tura: analiz pogrebal'nykh pamjatnikov* [East Manych catacomb culture: analysis of burial sites]. Moscow, Taus Publ., 272 p. (In Russ.).

Gak E. I., Kalmykov A. A. *Metallicheskiy inventar' kurgannykh pogrebenij pozdnejamnogo-rannekatakombnogo vremeni Egorlyk-Kalausskogo mezhdurech'ja* [Metal inventory of pozdnejamnaya and rannekatakombnaya epochs of interfluvial area of Egorlyk and Kalauss rivers]. *Materialy po izucheniju istoriko-kul'turnogo nasledija Severnogo Kavkaza Vypusk XI. Arheologija, kraevedenie, muzevedenie* [Proc. on the study of historical and cultural heritage of the North Caucasus. ed. A. B. Belinsky. Iss. XI. Archeology, local history, museology]. Moscow, Pamjatniki istoricheskoy mysli Publ., 2013, no. 9, pp. 117–159 (In Russ.).

Koltsov P. M., Dremov I. I., *Kurgannaja gruppa Shatta I* [Burial Group Shatta I]. *Issledovaniya kurganov i starokalmyckikh poselenij Kalmykii (po materialam raskopok 2002-2009 gg.)* [Archaeological research of Burial groups and Old Kalmyk settlements (on materials of archaeological excavations in 2002–2009)]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2012, pp. 27–37 (In Russ.).

Krupnov E. I. *Predislovie* [Foreword]. *Materialy i issledovaniya po arheologii* [Materials and studies in Archeology], 1959, no. 60, pp. 1–10 (In Russ.).

Ochir-Gorjaeva M. A. *Arheologicheskie pamjatniki Volgo-Manychskih stepej (svod pamjatnikov,*

issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykija v 1929–1997 gg.). [Archaeological sites of the Volga-Manych steppe (archaeological sites studied in the Republic of Kalmykia in 1929–1997)]. Elista, Gerel Publ., 2008, pp. 152–153 (In Russ.).

Sinitsyn I. V. *Arheologicheskie issledovaniya Zavolzhskogo otrjada (1951–1953)* [Archaeological research of Zavolzhsky brigade in 1951–1953]. *Materialy i issledovaniya po arheologii* [Materials and studies in Archeology], 1959, no. 60, pp. 39–205 (In Russ.).

Sinitsyn I. V. *Drevnie pamjatniki v nizov'jah Eruslana (po raskopkam 1954-1955)* [Ancient monuments in the Lower Eruslan (archaeological excavations of 1954–1955)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii* [Materials and studies in Archeology], 1960, no. 78, pp. 10–168 (In Russ.).

Sinitsyn I. V. *Drevnie pamjatniki Vostochnogo Manycha. Ch. 1–2* [Ancient monuments of the Vostochny Manych. Part 1–2]. Saratov, Saratov State University Publ., 1978, 117 p. (In Russ.).

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Antiquities of Vostochny Manych]. *Arheologicheskie pamjatniki Kalmyckoj stepi. Pamjatniki Kalmykii kamennogo i bronzovogo vekov* [Kalmykia Monuments Stone and Bronze Ages]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology, Economics Publ., 1982, pp. 59–62 (In Russ.).

Shishlina N. I. *Severo-Zapadnyj Prikspij v jepohu bronzy (V-III tysjacheletija do n. e.)* [North-West Caspian Sea in the Bronze Age epoch]. Moscow: GIM Publ., 2007, 398 p. (In Russ.).

Erdniev U. E. *Kurgannyj mogil'nik Vostochnogo Manycha (pravyj bereg)* [Burial mounds of East Manych (right bank)]. *Arheologicheskie pamjatniki Juzhnykh Ergenej* [Archaeological sites of Southern Ergeni]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1982, pp. 6–52 (In Russ.).

Berezina N., etc. Grave offerings of actual Tools: evidence of professional activity with anthropological methods. The 21st European meeting of the paleopathology association. August 15-19, Moscow, 2016, p. 21 (In Eng.).

J. S. Schneider, Ya. Tserendagva, etc. Mongolian neolithic ground stone tools from the northern edge of the Gobi desert. *Археологийн судлал* [Archeological studies]. Vol. XXXV, Ulan-Bator, 2015, pp. 97–116 (In Eng.).

УДК 902.26

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ С КАМЕННЫМ ИНВЕНТАРЕМ ИЗ КУРГАННЫХ ГРУПП ВОСТОЧНЫЙ МАНЫЧ

Евгений Гаврилович Буратаев¹, Мария Александровна Очир-Горяева²,
Эрдни Анатольевич Кекеев³

¹ младший научный сотрудник, Лаборатория археологических исследований, Калмыцкий институт гуманитарных исследований (Элиста, Российская Федерация). E-mail: burataev1981@mail.ru.

² доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Лаборатория археологических исследований, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mariaochir@gmail.com.

³ младший научный сотрудник, Лаборатория археологических исследований, Калмыцкий институт гуманитарных исследований (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена результатам изучения погребений с каменным инвентарем из курганных групп «Восточный Маныч». В данных курганных группах в начале 60-х гг. прошлого века в процессе спасательных работ в зоне строительства Чограйского водохранилища были раскопаны 329 курганов, содержащих 1 541 погребение, из которых 1 329, т. е. подавляющее большинство, датируются эпохой бронзы. К ямной культуре авторами раскопок отнесены 476 погребений, к катакомбной — 854 погребения. Работа проведена в рамках проекта по обработке результатов масштабных археологических работ, проведенных под руководством профессоров И. В. Синицына и У. Э. Эрдниева, переоценке раскопанных памятников и вводу в научный оборот тех аспектов изучения материалов курганных групп «Восточный Маныч», которые остаются до сих пор не изученными.

Проведенное исследование выявило различные аспекты, связанные с культурно-хронологическими и половозрастными особенностями погребенных. Социальный статус погребенных также находит отражение в качественном составе каменного инвентаря. Наиболее ярко на материале изученных памятников проявилась профессиональная специализация ремесленников и мастеров.

Ключевые слова: Восточный Маныч, курганы, погребения, каменные орудия труда, жертвенники, кенотафы, половозрастные особенности.